

В. В. ПЕТРОВ

БЫТИЕ И ЛОГИКА
В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ
СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО*

В работе рассматриваются топы онтологии и логики, задействованные Сигизмундом Кржижановским в философской прозе 1920-х годов. В частности, обсуждаются его концепции подлинного бытия, бытия теневого, подлинного пространства и пространства мнимого, «минус-пространства», а также выталкивания из бытия, тесноты бытия, триада «бытие-быт-небытие», пара «логос-бытие». Среди обсуждаемых тем: смысл и бессознательное, искусство vs. философия, логика и художественное творчество. Описаны методы реконструкции лакуны в произведении *Красный снег*. Показано, что автор предполагал обыграть мнемоническое стихотворение *Barbara, Celarent, Darii, Ferioque prioris [speciei]*... из учебников логики. Предложено несколько возможных вариантов решения. Обсуждается соотношение логики образа и логики силлогизма, прослеживается история персонажа «Кай» из силлогизма «все люди смертны». Силлогизм и свободомыслие: логизм как право на мысль и шестьдесят четыре модуса силлогизма.

Ключевые слова: онтология, логика, Сигизмунд Кржижановский, бытие, пространство, триады, смысл, бессознательное, искусство, философия, образ, *Красный снег*, Кай, модусы силлогизма, свободомыслие.

К особенностям художественных текстов Сигизмунда Кржижановского относится то, что героями повествования становятся у него категории метафизики, психологии, логические понятия, термины естественных наук. Предметом авторской рефлексии делаются правила грамматики и арифметики. Философским измерением

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-03-00561 «Наука, культура и философия в России первой половины XX века: мировоззрение С. Д. Кржижановского (1887–1950)».

наделяются мнемонические формулы школьной программы (например, наречия на «ять»), модусы силлогизмов, латинские существительные на *-eg* и *-ig*), которые ведут себя как равноправные действующие лица произведений.

В настоящей работе мы рассмотрим несколько мотивов из произведений 1920-х годов, которые относятся к, так сказать, «метафизике в образах». Речь идёт о том, что пространства авторской или художественной экзистенции концептуально разводятся Кржижановским на области подлинного бытия, бытия теневого, подлинного пространства и пространства мнимого, «минус-пространства».

Обсудим, например, устойчивую составляющую образно-философской системы Кржижановского — мотив «выталкивания». В житейском плане «выталкивание» отвечало «бездомности» самого Кржижановского и его страху быть принудительно выселенным из дома во время арестов и чисток (А. Г. Бовшек упоминает о кампании по «разгрузке Москвы» в начале 30-х, затем пишет об арестах, начавшихся в 1929-м, добавляя, что в автобиографическом рассказе *Красный снег* передано настроение тех лет¹). В плане социальном и экзистенциальном человека изгоняли из самого себя — он лишался собственных мыслей: «Э, батенька, из квартиры... Меня вот из собственной моей головы выселили»². Метафизический аспект «выталкивания из бытия» обсуждался Кржижановским годом ранее в *Шах*:

О людях, которых **столица судит** в своих судах и **присуждает к отлучению** от себя, к высылке за черту, говорят: приговорен к «минус 1». Мне никто не объявлял приговора... Но вместе с тем мною твердо и до конца понято: я **выслан** навсегда и безвозвратно **из всех вещей**, из всех радостей и из всех правд... они — в Москве, я — в минус-Москве³. Мне позволены только тени от вещей; вещи вне моих касаний... все затоптанные людьми пороги для меня непереступаемы, и все, что за ними, для меня почти трансцендентно. Я могу лишь... **наблюдать**...⁴.

¹ БОВШЕК, *Глазами друга VIII*, с. 247-249.

² Ср. Кржижановский, *Красный снег*, СС, т. 5, с. 146. Ср. *Там же*: «...толстая шуба с воротником, встопорщившимся вокруг донца шапки. Ну, да, конечно, это был тот, **выселенный из своей головы**».

³ Ср. Топоров (1995), с. 476-574.

⁴ Кржижановский, *Швы. Человек человеку — призрак* (1927–1928), СС, т. 1, с. 397: «Я не надевал на себя шапки-невидимки... и все же, даже

Да, я житель минус-Москвы. Тот **город, из которого я еще не выслан, в котором я еще имею свою квадратуру** и свои права, это не город из вещей, а город из отражений... В моем минус-городе, в призрачном, минусовом мирке имеют смысл лишь минус-истины, — лишь упавшая на свою вершину правда. Следовательно: **вещь отброшена тенью**. Да-да, против этого в моем **выключенном из мира мире** не спорят. И я устраиваюсь, как умею, среди своих минусов и теней; отчеркнутый порогами, **перечеркиваю мыслью**⁵... все их вещи — тени моих теней... Улицы Москвы похожи на расплзшиеся каменные швы. Что ж. Пусть **меня обронило внутрь уличного шва**... я пройду **по извивам** всех его швов, куда бы они ни привели⁶.

Здесь изолированный, выброшенный из бытия индивид надеется, что место для свободы все же осталось: он полагает, что может выстроить внутри своего сознания, своих фантазий мир, в котором пребудет полновластным хозяином положения.

Теснота бытия. Мир, описываемый Кржижановским, не претендует на принципиальное отличие от мира нашей повседневности. Тем не менее, автор подчеркивает, что он не является зеркальным отражением настоящего. Это не мир бытия, это мир теней бытия. Вспомним Платона с его мифом о пещере, весь пафос кото-

---

глядя на меня, меня не видят, даже натолкнувшись плечом о плечо, только бормочут что-то, не подымая глаз. Я лишь смутно помню, что это такое — рукопожатие, ладонь, притиснувшаяся к ладони. И только редко-редко, когда шаги заведут меня на окраинное кладбище, к могильным камням, среди которых так удобно и покойно размышлять, я вижу слова, зовущие меня: “Прохожий” и “Остановись”. И я останавливаюсь, иной раз даже присаживаюсь у креста и решетки и беседую с теми, которые не отвечают. В сущности, мы одинаковые — и они и я. Смотрю, как над ними растет крапива и спутывает пыльные стебли трава, — и думаю: мы». Ср. ЦВЕТАЕВА, *Идешь, на меня похожий...* (1913), *СС*, т. 1, с. 177: «И кровь прилиwała к коже, / И кудри мои вились... / Я тоже была, прохожий! / Прохожий, остановись».

⁵ Ср. Кржижановский, *Книжная закладка* (1927), *СС*, т. 2, с. 601: «...я никогда не соглашусь на теперешнюю портфелью философию: можно писать только о зачеркнутом и только для зачеркнутых»; *Записные тетради II*, *СС*, т. 5, с. 341-342: «Рассказы для зачеркнутых... Зачеркнутому: верить... Я — зачеркнутый человек».

⁶ Кржижановский, *Швы* (1927-1928), *СС*, т. 1, с. 406-408. Образ «щелей», используемый в рассказе *Собиратель щелей*, в свое время привлек внимание М. Волошина, надписавшему для Кржижановского одну из своих акварелей: «собирателю изысканнейших щелей нашего растрескавшегося космоса».

рого направлен на то, чтобы вырваться из мира теней к подлинному бытию. Часто в текстах Кржижановского «бытие» — это не подлинная реальность, как у Платона, но синоним «быта». Поэтому бытие связано с теснотой. Не случайно у Кржижановского было специальное слово: «затиск», ассоциируемое с «узилищем» и «уздой». Он болезненно переживал свою «узость»⁷, обусловленную и внут-

⁷ СЕМПЕР, *Человек из Небытия*, с. 310: «“Затиск” — другое любимое слово С[игизмунда] Д[оминиковича]. В нем сконцентрировалась вся его тоска по свободе мысли, вся горечь автора без читателя, поневоле не достигшего полноты самовыражения... Однажды, в минуту откровенности, С. Д. произнес: «Как-то я стоял на мосту через Язу, смотрел на реку и повторял: Язу, Язу, Я...уза, я... узок; я — узок. Наверно, я узок, многого не понимаю, не принимаю. Звуковая ассоциация подсказала мне это». Я была согласна в душе, но промолчала сперва, потом стала опровергать, а сама думала — он не причастен к сущности естества, к целостности мира, оттого не понимает многого, а люди не понимают его. Замкнут на себя. Мне казалось, что причина его невзгод коренится в эгоцентризме. Затиск давил не только снаружи, он душил его изнутри». Ср. КРЖИЖАНОВСКИЙ, *Штемпель: Москва* (1925), СС, т. 1, с. 518: «А то прохожу Высоким мостом, что поперек гнилой Язу, и вдруг ассоциация: я — узы. Раньше таких у меня не бывало»; *Якоби и “Якобы”* (1918), СС, т. 1, с. 112: «Мысль Платона не начинала еще своего полета, когда носитель ее был пророчески назван: Платон — *плátос*, то есть Широкий. И знаешь... На севере родится мыслитель: вся жизнь его будет порывом к выходу из узких русл: партий — народа — исповедания. Он умрет в селе Узком»; *Записные тетради III*, СС, т. 5, с. 404: «Нельзя испытывать парашют в пролете лестницы: погибнешь от узости окружения». Ср. ТОПОРОВ (1995), IV: «Почти все... оппозиции [у Кржижановского] так или иначе «разыгрывают» тему просторности и стесненности (узости)... В замкнутой тесноте, тяготеющей к «нуль»-пространству, и разомкнутом пространстве, кажущемся бесконечным, — у человека нет меры пространства и, следовательно, нет и самого пространства, но есть боль, которую причиняет это отсутствие пространства человеку: ему не только *некуда идти*, но и *негде быть*, он безместен»; *Там же*. III: «Боль, порождающая пространство... Здесь существенно... наличие двух форм “минус”-пространства... Речь идет... о слишком узком и тесном “недо-пространстве” и слишком широком и пустынном “перепространстве”... Первое из этих пространств оказывается чаще в сфере внимания писателя, подробнее проработано и, если судить по известным текстам, более угнетало их автора... Вероятно, такой выбор имеет свое объяснение в жизненных обстоятельствах (“реальная” теснота и узость жизненного пространства, жилплощади в коммунальной квартире, мучительно переживаемая писателем, во всяком случае в периоды депрессии, тоски), возможно, и в особенностях его психофизиологической природы,

ренной скованностью, и внешними — социальными, материальными и пр. — рамками.

В *Швах* герой претендует на то, чтобы быть демиургом «минусового мирка», являющегося, на деле, не тенью идеального (подлинного) бытия в платоновском смысле, но тенью тени — вымороченного советского быта. Свободу герой видит в том, что в минусовом мире тень отбрасывает вещь. В этом состоит «переворачивание смыслов», о котором говорится и в других сочинениях Кржижановского. «Меня обронило внутрь уличного шва... Я пройду по извилам всех его швов» (образ двусмысленный, если вспомнить, что за живность селилась в одежных швах в послереволюционные годы).

Бытие / быт / небытие. Бездна безнадёжности положения усугубляется для героев сочинений Кржижановского отсутствием какой-либо интеллектуальной альтернативы тому, что их окружает. Их духовный горизонт удивительно узок и ограничен повседневностью быта. Не существует реальности большей, чем они сами. Философия сведена к логике и позитивной науке. Бога для интеллигентов тоже нет («верят в науку»). Как говорит один из персонажей, Бог — это «вздор, архаическое трехбуквие, которое я давно уже вышвырнул из головы»; Он — «трехипостасная тень», «бывший бог»⁸. Однако на эмоциональном уровне насильственное упразднение религии ощущается как негативное⁹, ибо ее внешние проявления принадлежат оставшемуся в прошлом «нормальному» миру. Это зияние оттесняется в подсознание, являясь спящему герою рассказа *Красный снег* в виде церкви с оборванными языками колоколов, звонящих беззвучный благовест в потустороннем мире, мире небы-

---

чуткой к феномену пространственности и как бы склонной к переводу критических состояний в сферу пространственного и остро реагирующей на изменения объема пространства, на отклонения от *нормы*».

⁸ Ср. Кржижановский, *Записные тетради I*, СС, т. 5, с. 332: «Если Бог и был, то он давно уже покончил самоубийством»; III, с. 393: «Я уважаю Бога за то, что он не существует».

⁹ Кржижановский, *Красный снег*, СС, т. 5, с. 150: «...если та гигантская трехипостасная тень усумнится в людях, то людям только и остается — на неверие неверием»; *Швы VII* (1927–1928), СС, т. 1, с. 408–409: «Человеку мало быть без человека; надо — чтобы и без Бога; догмат вездесущности нарушает право одиночеств... “— Бога, слава Богу, нет. Слава Богу, Бога нет”. Это было похоже на декларацию одиночества».

тия. В дневном мире танатос¹⁰ подавил эрос¹¹; нет ни смысла, ни подлинного бытия, только безысходность, холод и нежить. Бог не подает жизни, безжизненно и бытие.

В силу отсутствия иных измерений выталкивание из быта становится изгнанием из бытия вообще, и в повествование входит тема небытия. Она последовательно разрабатывается Кржижановским в рассказах конца 20-х – начала 30-х гг. Интеллигент со скамейки формулирует это так: все безнадежно, люди мертвы, у них отняли бытие и жизнь, их нынешнее существование — посмертное:

...я вижу, что загробная жизнь есть... Уже несколько лет, как в нашу жизнь вкралось несуществование... Мы еще вправлены в свое старое пространство, как пни на месте срубленного леса. Но жизни наши давно уже сложены в штабеля, и не для нас, а для других. Вот эти часы с пульсирующей стрелкой на моем запястье еще мои, но время уже не мое... Ведь что такое смерть? Частный случай **безнадежности**. И разве мы... в самом наименовании которых «интеллигенты» всё еще слышится древнее слово *intellectus*, разве мы все не вчерчены в безнадежность!.. Людей прибыло. Землю убыло. И становится так тесно, что сразу и быть, и сознавать уже нельзя. Что ж, пусть берут бытие, — я предпочитаю не быть, но сознавать... Будем учиться не жить, будем...¹²

Отметим, что в 1923 г. Кржижановский еще не разводил так определенно сферы смыслов и бытия, и к небытию переходить не хотел. В *Философеме о театре* он пишет:

Беру слово «Бытие» и отрываю ему два конечных знака: быт. Оборвав и этому тупое «т», оставляю: бы. Делаю тоже со смыслом, что и с буквами: как от слова к слову все меньше звучания и знаков, так и от смысла к смыслу: все меньше сутей, убывает и малеет бытие. **Дальше не пойду**: как ни черны мои чернила, ночь небытия чернее¹³.

В конце 1920-х гг. мышление / сознание и бытие для Кржижановского расходятся. В *Записных тетрадях*:

¹⁰ Смерть присутствует, но, опять же, не в личностном переживании, а со стороны — в социальном аспекте, в виде ритуала: упомянуты обряд похорон, покойник, гроб с кантом, пепел кремации, поминальная лампада. Это делает изображенное еще более мертвящим.

¹¹ В *Красном снеге* персонажам даже слово «философия» (любовь к мудрости) представляется «неприличным и почти порнографическим», его предлагается заменить на «соблезнование к мудрости».

¹² Кржижановский, *Красный снег*, СС, т. 5, с. 150-151.

¹³ Кржижановский, *Философема о театре*, гл. 2, СС, т. 4, с. 52.

Мое сознание — просека сквозь бытие (поляна, вырубленная в бытии); ...лучше сознательно не быть, чем быть, но не сознать¹⁴.

Но вещи могут и опрокинуться: смысл, даже порожденный прихотью фантазера, может затребовать для себя существование:

Иногда привыкнешь к пустяку, выдумаешь ему смысл, офилософишь его, — и глядь, пустяк подымает голову, вступает в спор с важным и реальным, нахально требуя прибавки бытия и досмысления¹⁵.

Кржижановский использует несколько ключевых формул, которые, если мы знакомы с текстами, которым они принадлежат, высвечивают дополнительные грани, разворачивает дотоле свернутые измерения.

К примеру, уподобление интеллигентов «пням на месте срубленного леса» начинает философскую тему противопоставления бытия и сознания из *Записных тетрадей*¹⁶. Слова о жизнях «сложенных в штабеля» помимо темы поражения (*Мишени наступают*)¹⁷ намечает еще одну, восходящую к Гераклиту, оппозицию: у бодрствующих на всех один мир / комната, у спящих — множество, и в каждом свое пространство и время (*Неуют*)¹⁸. Фраза о том, что

¹⁴ Кржижановский, *Записные тетради* III, СС, т. 5, с. 361.

¹⁵ Кржижановский, *В зрачке* (1927), СС, т. 1, с. 429.

¹⁶ Кржижановский разводит мышление (сознание) и бытие (последнее приравнивается им к объективной реальности). А также см. *Записные тетради* III, СС, т. 5, с. 366: «Бытие пусть себе определяет сознание, но сознание не согласно. Я выбрал: лучше сознательно не быть, чем быть, но не сознать»; с. 391: «Пора репатриироваться в небытие».

¹⁷ Кржижановский, *Мишени наступают* (1927), СС, т. 3, с. 55: «Губернатора на балконе сменил начальник полиции: он обещал толпе, что не пройдет и пяти-шести часов, как все увидят войска противника, сложенные повзводно, **штабелями** — вот на этой самой площади, как на складе».

¹⁸ ПЛУТАРХ, *О суеверии* 166С: «Гераклит говорит: *Для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный*. Для суеверного же никакой мир не является общим, ибо он и наяву лишен здравого рассудка, и во сне не может избавиться от страхов...» (пер. А. В. ЛЕБЕДЕВА). Ср. Кржижановский, *Неуют* (1927), СС, т. 5, с. 197: «И все-таки, какая это удивительная вещь снящиеся миры, сваленные вместе внутрь вагонного там или комнатного куба, как срубленные стволы в штабеля. Ведь если двадцать человек бодрствуют вместе, то на всех них лишь четыре стены и один потолок, но стоит двадцати тут же, не множа ни стен, ни потолка, уснуть, и у каждого из них свое пространство и свое время, и комната размыкается двадцатью мирами», а также: ЗАМЯТИН,

«время уже не мое» противопоставляет мир собственника, который захлопывает время под крышку своих часов, миру, где частное упразднено¹⁹. «Безнадежность» тоже имеет соответствия в других текстах (ср. рассказы *Страна нетов* и *Бог умер*, где говорится о том, как не сущие *безнадежно* стремятся стать сущими, и о тех, кто «безнадежно надеется»²⁰). А заключительная фраза приведенного выше монолога «Людей прибыло. Землю убыло. И становится так тесно, что сразу и быть, и сознавать уже нельзя» находит свою параллель в *Возвращении Мюнхгаузена* (1928 г.), где мир объективной реальности (один на всех), в котором *ютятся* люди, противопоставлен множеству вселенных, порождаемых воображением худож-

---

Мы, СС, т. 2, с. 219: «...абсолютно точного решения задачи счастья нет еще и у нас... единый мощный организм рассыпается на отдельные клетки: это установленные Скрижалю Личные Часы».

¹⁹ О вредности и ненужности частного времени для государственной машины писал Е. И. Замятин, ср. его *Мы*, с. 218-219: «Часовая Скрижаль — каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы. Каждое утро с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту, — мы, миллионы, встаем, как один. В один и тот же час, единомиллионно начинаем работу — единомиллионно кончаем. И сливаясь в единое, миллионнорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалью, секунду, — мы подносим ложки ко рту, — и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум».

²⁰ Кржижановский, *Материалы к биографии Горгиса Катафалаки* 12 (1929), СС, т. 2, с. 326: «Катафалаки тоже бодро скрипел подошвами от порогов к порогам, “препровождая” копии проекта из инстанции в инстанцию. Увы, в скрипе замнаркомовских перьев, отчеркивающих коротким “отказать”, не было уже ничего бодрящего, а в морозных улыбках их секретарей, дальше которых проситель не был допущен, **выделялась безнадежность**»; *Бог умер* (1922), СС, т. 1, с. 259: «Заболевших верою в Бога (таких было всё меньше и меньше) тотчас же изолировали и лечили особыми фосфористыми инъекциями — непосредственно в мозг. Процент излечимых был доведён до 70–75, человеческий же остаток, сопротивлявшийся инъекционной игле, так называемых “**безнадёжно надеющихся**”, селили на малом острове, прозванном — неизвестно кем и почему — “Островом Третьего Завета”»; *Страна нетов* (1922), СС, т. 1, с. 266: «Неты живут кучно. Им всегда казалось и кажется, что из многих “нет” всегда можно сделать одно “да”, что множество призраков дадут себя сгустить в плотное тело. Это, конечно, мысль **безнадежная**, чуть-чуть даже глупая, и опыты с такой мыслью наперед обречены на неудачи, но из этих-то длительных и упрямых, **опрокидываемых бытием** и вновь тщащихся попыток быть и состоит их так называемая жизнь».

ника; где философия, имеющая дело с бытием, в котором сущему тесно и скудно, противопоставлена недосозданным мирам воображения, просторным в безграничности своего несуществования; где, наконец, сказано о возможности фантазмом (небытием) снять факт, то есть поставить не сущее на место сущего²¹.

К рассматриваемому комплексу тем и мотивов можно добавить и образ «индивида отрицающего, но несуществующего», олицетворяемого фигурой Пурвапакшина, персонажа средневековых индийских философских трактатов, назначение которого состояло в том, чтобы ставить под сомнение выдвигаемые утвердительные тезисы. Кржижановский подробно говорит о Пурвапакшине все в тех же *Швах*:

Пурвапакшин... человек-миф, придуманный индусскими казуистами ради построения антитетики²². Чередой — друг вслед другу — проходят строители систем. Сколько их — столько миров: каждый... приносил с собой свое «да». И всякий... возвращался в смерть. Но человек-миф Пурвапакшин не умирал, хотя бы потому, что и не родился... Самое имя его значит: тот, который говорит «нет»... В этом — единственное бытие человека-схемы: бить своим нет по всем да... Я почти вижу и остро чую его тут, рядом со мной, на вечерней скамье бульвара: замотанный в ветхие пестрые ткани, с упрямым костистым лбом, склоненным к земле, он разжимает свой рот, узкий и ссохшийся, лишь ради одного краткого, как удар, нет. О, как часто мы вместе... здесь, на шумливых московских бульварах... заносили над всем этим — снова и снова — свое нет... Затиснуть виски меж ладоней, втянуть в сознание весь мир, и, подымая, как молот, нет, возражать против всего... Опрокинуть все вертикали; потушить мни-

²¹ Кржижановский, *Возвращение Мюнхгаузена VII* (1928), *СС*, т. 2, с. 252: «Люди так обделены миром: он дан им всего лишь в одном экземпляре на всех, бедняги ютятся все и всегда в своем одном-единственном, — а я уже в юности получил в дар многое множество вселенных, и притом на себя одного. В моих мирах время шло быстрее и пространство было пространнее... Я жил в безграничном царстве фантазий... Философы... закрывали двери, притискивая их к порогам сознаний, — я распахивал их створами в ничто, которое и есть все; я вышел из борьбы за существование, которая имеет смысл лишь в тесном и скудном мире, где не хватает бытия на всех, чтобы войти в борьбу за несуществование: я создал недосозданные миры... я изобретал их; в сложной игре фантазмами против фактов... я особенно любил тот... миг, когда... снимаешь фантазмом факт, становясь не-существующим на место существующего».

²² Пример текста в котором фигурирует Пурвапакшин (оппонент), см.: ПРАШАСТАПАДА, *Падартха-дхарма-санграха*, с. 85-93.

мое солнце, спутать орбиты и мир в безмирье. Я не могу сделать так, чтобы жизнь, ступающая по мне, была иной... и все-таки... мы возражаем: Пурвапакшин и я. Мы не хотим дней, вернувшихся на циферблаты; мы не хотим жизней, застрахованных в Госстрахе; мы не принимаем идей, заутюженных в аккуратный, вчетверо сложенный газетный лист... Он говорит, я повторяю — он твердит, я подтверждаю нет. Я не могу, затравленный и полуиздохший нищий, опрокинуть все вещи, врывшиеся в землю дома, все домертва обжитые жизни, но я могу одно: опрокинуть смыслы. Остальное пусть остается. Пусть²³.

В этом отрывке в трансформированном виде воспроизведен архетипический для автора комплекс образов и идей. Философы, строящие миры, становятся на место сновидцев и фантазеров из *Неюта* и *Возвращения Мюнхгаузена*. Пурвапакшин, человек-небытие, *homo negans*, соответствует индивидам, предпочитающим частноотрицательную посылку, и выталкиваемым в небытие (*Красный снег*). Пурвапакшин, пребывающий в мире чистой мысли, — *alter ego* автора, он сопровождает его в прогулках по Москве, а вечерами сидит на скамье бульвара. Его приметы — ветхие ткани одеяний и «упрямый костистый лоб». Автор хочет уйти из этого мира в мир чистой мысли, к Пурвапакшину.

Отношение Кржижановского к несуществованию амбивалентно. С одной стороны, небытие угнетает и, в конечном счете, равносильно полной физической и психической гибели. С другой стороны, автору милы несуществующие «неты» старины. Когда герой в *Красном снеге* выходит в мир сновидений и небытия, в мир несуществования, — он видит там своих собратьев — опечатанные церкви с лишенными языков колоколами; они, как и он, — призраки и эхо, которых никто не слышит.

Логика и художественное творчество. Игра с логическими элементами ярко выражена в рассказе *Красный снег*, где очереди

---

²³ Кржижановский, *Швы* III: Пурвапакшин (1928), *СС*, т. 1, с. 401-402. Ср. *Бернард Шоу, его образы, мысли и образ мыслей* 7, *СС*, т. 4, с. 540-541: «В старых философских трактатах Индии, написанных большей частью в диалогической форме, неизменным участником метафизических споров является “Пурвапакшин”. Пурвапакшин — это человек-схема, эвристическая задача которого и самое бытие заключается в противопоставлениях любому утверждению слова “нет”. Системы и учения сменяют друг друга, и всем им бессменный Пурвапакшин бросает свое неизменное “нет”».

именуются «рядами», люди — «номерами» («стоящий двумя номерами дальше»). Очередь выстроилась, чтобы получить «зачем», то есть ответ на вопрос «почему»²⁴. «Тут... выдают логику», «понятия»²⁵, — люди стоят «за логизмами».

Приметы повседневной советской реальности сохраняются: «талонь», «очередь», «дефицит». Логика «выдают», как хлеб, **по талонам**, т. е. только тем, *кому положено*. Значит, и тут право на смысл экспроприировано и уже не является частной собственностью: «Если ваш талон М не отрезан, можно получить средние термины. Торопитесь, термина может не хватить». Поскольку средний термин силлогизма, обозначаемый в учебниках логики буквой М, ассоциируется у Кржижановского с отдельным человеком, — в других сочинениях он даже дает ему имя Кай, — то талон на средний термин, по сути, является талоном на право быть мыслящим индивидом и личностью. Не случайно в очереди поговаривают, что средний термин предполагается «в целях рационализации унифицировать», тем более что «человеческий фактор» — функция промежуточная: «М в “S есть P” все равно никогда не попадает»²⁶.

Из вывески следует, что за дверью выдают силлогизмы, которые образованы четырьмя видами суждений (А, I, О, Е). Путем математического перебора из этих четырех видов суждений возможно составить 64 комбинации, 64 вида силлогизма. Однако логически допустимы только 19 «правильных» модусов, организованных в школьных учебниках логики в мнемоническое стихотворение: *Bárbara, Célarént, Dariù, Ferióque* príóris [specieí]... Три гласные в каждом слове составляют сокращенную запись того или иного вида суждений (AAA, EAE, AII). Так вот, один из номеров очереди жалуются, что ему вместо частно-отрицательной сунули общеутвердительную посылку: «вместо “Baroko” ткнули “Barbara”, а вместо

²⁴ Кржижановский, *Красный снег*, СС, т. 5, с. 157-158: «Будьте любезны, эта очередь за чем? — За зачем, — прогугнило из воротника, и шуба отвернулась». Ср. *Арго и Ерго* (1918): «В словаре Даля есть такой пример фразеологии: “Далеко ли до***?” — “Близко”. — “А далеко ли до близка?”».

²⁵ Кржижановский, *Красный снег*, СС, т. 5, с. 158: «Понятия не имею. — Разумеется, не имеете, раз вам его не выдали».

²⁶ В логике средний термин силлогизма (М) по определению отсутствует в заключении «S есть P». Ср. *Бернард Шоу, его образы, мысли и образ мыслей 5* (1935), СС, т. 4, с. 536.

“Bokardo” — “Bramantip”) (подробнее о реконструкции текста в этом месте см. ПРИЛОЖЕНИЕ II).

Рассмотренный отрывок, в котором взаимопроникают сухая логика и поэтика художественного повествования, являет собой превосходный образец творческого стиля Кржижановского. То, что вместо частно-отрицательной посылки интеллигент получает «обще-утвердительную», отражает закрепленный в государственной идеологии примат общего и утвердительного над частным и отрицающим. Ставить это под сомнение небезопасно: «Ах, вот как... частно-отрицательную? А вам известно, что всякого рода частичность ликвидируется, а?... В мышлении необходимо твердо держать линию на бедняцкие умы»²⁷ (последняя фраза — это, видимо, аллюзия на начавшуюся коллективизацию).

Отправной точкой для сюжета, умозаключений и философических выводов у Кржижановского могут служить случайные ассоциации — звуковые, или те, что характерны для сновидений (определяемые бессознательным). Он сам указывал на эту особенность своего метода, и подводил под это теоретическое обоснование. Еще в рассказе *Якоби и «Якобы»*, насыщенном словесной игрой, Кржижановский отмечал, что и сами «категории Аристотеля — только никому не нужное переименование частей речи, делание логики из звука»²⁸. Кржижановский доказывает свое право соединять силлогизмы и образы ссылкой на то, что в 1920 г. — спустя год после публикации сказки-диалога *Якоби и «Якобы»* — в Германии появился труд *Die Philosophie des Als Ob (Философия как если бы)* Ганса Файгингера²⁹, а значит, философия идет тем же путем, что фило-

²⁷ Ср. Кржижановский, *Красный снег*, СС, т. 5, с. 158: «...английский драп, стоявший двумя **номерами** дальше... На **какого Канта** нам...». Ср. Замятин, *Мы*, с. 219-20: «Убить одного, т. е. уменьшить сумму человеческих жизней на 50 лет, — это преступно, а уменьшить сумму человеческих жизней на 50 миллионов лет — это не преступно. Ну, разве не смешно? У нас эту математически-моральную задачу в полминуты решит любой десятилетний **номер**; у них не могли — **все их Канты** вместе (потому, что ни один из Кантов не догадался построить систему научной этики, т. е. основанной на вычитании, сложении, делении, умножении)».

²⁸ Это замечание справедливо в том смысле, что категории Аристотеля суть порождения греческого языка. Будь язык другим, число и набор категорий был бы иным.

²⁹ Кржижановский, *Театрализация мысли* (1924), СС, т. 4, с. 646: «Всего два года назад Ф. А. Степун говорил мне по поводу моей сказки-

софская проза (и даже запаздывает). Кржижановский приводит в пример Лейбница, у которого «образы часто берут верх над понятиями: силлогизм из образов»³⁰.

Обоснование и легитимизацию метода, соединяющего образ и логос, Кржижановский развивает и в литературоведческих работах. То, что отправной точкой для сюжета может стать цепь произвольных ассоциаций, Кржижановский отмечает применительно к Шекспиру. В этом случае «ассоциативный ряд, как в сновидении, берет верх над логическим рядом». Достоинства подобной техники в том, что «сновидение есть единственный случай, когда мы свои мысли воспринимаем как внешние факты: во сне снимается противоречие между внешним и внутренним, причем преимущества скорости у внутреннего, идеального ряда не отнимаются»³¹.

диалога *Якоби* и «*Якобы*» (*Зори* 1 [Изд. В. У. Л. К., 1919]), что игра со словом «Якобы», навязываемая сказкой немецкому метафизику Якоби (F. H. JACOBI) вряд ли свойственна немецкому мышлению, а главное, никак не осуществима на немецком языке. Споря, мы оба не знали, что именно в это время, именно в Германии осуществляется на чистейшем немецком языке, не в сказке, а в серьезном философском труде игра с телом и духом слова «якобы» (Als Ob). *Die Philosophie des Als Ob* (*Философия Якоби*) Ганса Файгингера появилась в 1920 г. До истечения года выдержала семь изданий. В 1921 г. понадобился выход дополнительного труда *Wie Philosophi des Als Ob entstand* (*Как возникла философия «Якоби»*), — а сейчас передо мной проспект лейпцигского издательства Феликса Мейнера, спешно выпускающего *Volksausgabe* захватившей внимание книги Файгингера («Популярное издание, — заявляет проспект, — необходимо»). Все это говорит о чрезвычайной популярности «якобы», несколько неожиданно для меня переселившегося из фантазма в логику». См. VAHNINGER, *Die Philosophie des Als Ob: System...* Об этой работе Файхингера см.: КОПЛСТОН, *От Фихте до Ницше*, с. 411-412.

³⁰ Кржижановский, *Философия и стилистика* 13 (1936), СС, т. 5, с. 284.

³¹ Кржижановский, *Комедиография Шекспира. Сон летней ночи и сон в вечной ночи* (1934), СС, т. 4, с. 170-173: «В Зимней сказке на первый взгляд как будто бы тема сна отсутствует... Но Шекспир... пьесу эту... строит по образу и подобию сказки — грезы — сна... Ткань пьесы точно из нитей сна, ассоциативный ряд, как в сновидении, берет верх над логическим рядом. Самая техника сценирования и сцепления реплик — подражание, скорее нарочитое, чем бессознательное, прерывистому или циклическому движению наших снов... Первые сцены некоторых трагедий Шекспира сразу же вводят нас в более чем странный двойственный мир, образованный смещением призраков и плотских существ. Достаточно

На примере Бернарда Шоу Кржижановский доказывает, что логика пословицы близка к «силлогизму из образов». При этом он замечает, что средний термин (М) как бы выпадает из вывода. Метафора действует так же, замещая среднее звено яркостью остающихся образов. Следует разъяснение из «школьного примера»: в первой фигуре силлогизма все люди смертны (большая посылка), Кай — человек (малая посылка), следовательно, Кай смертен (вывод). В выводе выпадают «люди, человек»³² (то же рассуждение встречается в *Красном снеге*). В то же время, Кржижановский признает, что господство логики образов над аристотелевской относится «к дикарскому периоду в развитии человеческой мысли», когда «абстрактные понятия еще не сформированы»³³.

напомнить: тень отца Гамлета, тень Цезаря... Герой, существо из плоти и крови... почему-то дается на фоне призраков и выходцев из могил... Зачем объективировать сны, материализовать кошмары?.. Сопоставим соотношения между образами сна и смерти в комедии и в трагедии... Комедия идет по направлению: уснуть — умереть. Она... подводит к самому краю “уснуть” там, где она может перейти в “умереть”, и в последний момент поворачивает назад — в жизнь. Гамлет заставляет слова поменяться местами: “умереть — уснуть” (“to sleep... to die...”). Мысль подходит к самому краю (на этот раз начальному) “умереть”, но там, за чертой, ей чудятся “видения”. Гамлет хочет покоя, “молчания”. Навязанное христианством “бессмертие” ему в высокой степени омерзительно. Ведь если есть бессмертие, то нельзя убить: ни себя, ни другого. Следовательно, нельзя и отомстить»; *Записные тетради II*, СС, т. 5, с. 341-342: «Последний метафизик Гамлет — сплошное бытие: нельзя убить — и небытие пронизано снами — ужас бессмертия».

³² Кржижановский, *Бернард Шоу, его образы, мысли и образ мыслей* 5 (1935), СС, т. 4, с. 536: «Шоу часто прибегает к пословичной форме... Но пословица по своей структуре очень часто приближается к “силлогизму из образов”. В сущности, вывод, умозаключение “S” есть “P” несет в себе все термины посылок, за исключением среднего (M), из вывода как бы выпадающего. Пословица, подставляющая на место логических терминов образы, выключает средний образ (подобно метафоре, пропускающей среднее звено меж двух своих элементов), пополняя этот недостаток яркостью остающихся образов... В школьном примере первой фигуры силлогизма: все люди смертны (большая посылка), Кай — человек (малая посылка), следовательно, Кай смертен (вывод). В выводе выпадают “люди, человек”».

³³ Кржижановский, *Страны, которых нет* (1937), СС, т. 4, с. 148: «Дикарь, отправляющийся от своего “почему” к причине того или иного непонятого явления, легко может заблудиться в целом лесу возможных причин. Абстрактные понятия его еще очень смутны и не сформированы — и он идет на огонь болотных огней, на притягивающий блеск ярких

Приведенные мысли не являются спонтанными, но обдумывались Кржижановским на протяжении длительного времени. Свидетельства этого хранят *Записные тетради*. Мы можем найти в них и *credo* писателя: «Обращаться с понятиями, как с образами, соотносить их, как образы, — вот два основных приема моих литературных опытов»³⁴. Прекрасный пример такого подхода можно найти в *Салыр-Гюле* (1933), где силлогизмы представлены в виде птиц, перелетающих с запада на восток, а образы сравниваются с крылатыми джиннами и ифритами, взлетающими на востоке³⁵.

Тем же взаимопроникновением логического и образного характеризуется отрывок, в котором Кржижановский импровизирует на тему трех модальностей суждений — проблематических (вероятностных), ассерторических (констатирующих) и аподиктических (подразумевающих долженствование): «Не сваливайте в голову индивидуума сумбур проблематических суждений и пошлость суждений ассерторических: подлинное “я” берёт себе аподектизмы: оно не мыслит “если я есмь” или “Я есмь”, — но “я не могу не быть”»³⁶.

Кржижановский последователен в сознательной приверженности традиции школьной и университетской выучки, которая могла ассоциироваться у него с уничтоженным миром высокой культуры. Грамматические и логические парадигмы не раз становятся сюжетобразующими элементами его прозы.

Впрочем, логика может быть и синонимом рассудочности. Запись «Я страдаю от своей логичности, как от болезни. Вылечите

образов. *Логика образов* — пока что — господствует над обычной Аристотелевой логикой».

³⁴ Ср. Кржижановский, *Записные тетради I*, СС, т. 5, с. 336. Там же: «Силлогизм из образов. Средний образ (М) в образозаключение».

³⁵ Кржижановский, *Салыр-гюль* (1933), СС, т. 3, с. 431: «...мысль больше похожа на птицу, чем на человека. И наши головы лишь гнёзда, в которых она выводит свой выводок... выводы. Стоит мне закрыть глаза, хотя бы вот сейчас, и я почти вижу стаи мыслей, перелётных идей, совершающих свой лёт с запада на восток и с востока на запад. Оттуда, из страны закатов, логические косяки трёхкрылых силлогизмов. Это — ночные птицы познания. Они вообще дискурсивны. И когда **логический холод** переходит в логическую стужу, начинается перелёт. Отсюда же, из страны сказок и созерцаний, поднимаются легко парящие пестропёрые образы, эти крылатые джинны и ифриты поэзии. Образ вообще летуч: как аромат...».

³⁶ Кржижановский, *Разговор двух разговоров* (1931), СС, т. 1, с. 391. О модальности суждений, см. ЧЕЛПАНОВ (¹1917; 1994), с. 65.

меня от логики!» можно трактовать и как призыв выйти за пределы рационального в сферу образного мышления, и как констатацию своей излишней рассудочности и схематичности своих художественных построений. Примечательно, что выход за пределы логики Кржижановский осуществляет не через отказ от нее и уход в сферу свободной образности. Он остается в понятийной парадигме той же логики, но видит свою творческую свободу в том, что волен нарушить логические законы, волен построить «неосуществимый силлогизм»³⁷, то есть силлогизм, выходящий за пределы дозволяемых логикой 19 модусов силлогизмов. В *Записных тетрадах* Кржижановский говорит о «художественной логике», которая нарушает логику Аристотеля и приводит, как пример, «неосуществимый» силлогизм, выпадающий из числа 19 правильных модусов, но допустимый в пределах 64 математически возможных сочетаний логических суждений А, I, O, E: «Все люди смертны»; «Кай — смертен»; «Следовательно, Кай, хоть немного, да человек».

Кай. Персонаж по имени Кай присутствует уже в одном из разделов раннего сочинения Кржижановского *Страна нетов*, стилистикой напоминающего аллегорические сказки Оскара Уайлда и представляющего собой философскую сказку, построенную на обыгрывании мифологических и космогонических категорий древних греков (Единое, Всё, Предел, Беспредельность, Двоица, Ничто). Кржижановский рассказывает о трех братьях, имена которых — Ген (ἔν), Кай (καί), Пан (πᾶν) — образуют греческую фразу: «Единственное и Всё», «Единое и Многое». Миф о братьях завершается в характерной для Кржижановского манере:

Лишь в так называемых учебниках логики нашел я его досказ, но слишком уж краткий и сухой: «Все люди смертны. Кай — человек. Следовательно, Кай — смертен». Очевидно, если верить вышеназванным учебникам, Каί стал смертен; от него и пошли неты... другими словами — существа, суть которых заключается в способности умирать, то есть не быть. От отдаленного предка своего они унаследовали, что видно из всех их книг, его тоску по ἔν — Πᾶν³⁸.

³⁷ Ср. Кржижановский, *Записные тетради* III, СС, т. 5, с. 403: «Неосуществимые силлогизмы. М (средний термин): человек; понятие как суждение (заключительный) С: человек = бессмертие».

³⁸ Кржижановский, *Страна нетов* IV (1922), СС, т. 1, с. 274. *Страна нетов* завершает сборник *Сказки для вундеркиндов*, первоначальный вариант которого был закончен в 1924 г., а дополненный — в 1927 г.

В сказке о Кае его имя многозначно. Грамматически, в приведенной греческой фразе, «Кай» — союз (*conjunctio*), логически — он субъект силлогизма «Все люди смертны. Кай — человек. Следовательно, Кай смертен», метафизически — он является связью (*coniugium, consilium*) высшего Единого и низшего Многого; в художественном плане — это герой сказки. Наконец, «Кай» может отсылать к фамилии самого автора («К-й»), подобно тому, как у Кафки герой романа *Замок* носит имя К.

В персонаже из сказки соединились «Кай» учебников логики и «кай» формулы $\acute{\epsilon}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu$ (об истории имени «Кай» и формулы $\acute{\epsilon}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu$ в европейской философии и литературе см. ПРИЛОЖЕНИЕ I). Весьма вероятно, что толчком к синтезу для Кржижановского послужило чтение *Мира как воли и представления* Шопенгауэра, где присутствуют все необходимые для подобного синтеза элементы: силлогизм «Кай смертен», формула $\acute{\epsilon}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu$. Более того, только у Шопенгауэра к двум перечисленным добавлено и замечание о том, что средний термин не попадает в заключение (в качестве иллюстрации приводится силлогизм с Каем)³⁹.

Особенности игры с силлогизмами, при которой автор обращается к логике затем, чтобы нарушить ее законы, повторяются в *Записных тетрадях* при упоминании *онтологического* «доказательства небытия» или *онтологического* «доказательства бытия самого себя». Это аллюзия на средневековые доказательства бытия Божия, ко времени Кржижановского уже давно выпавшим из сферы онтологии⁴⁰.

Логизм как свободомыслие. В рассуждения о логизмах из *Красного снега* привносится дополнительный смысл, если их сопос-

³⁹ Ср. ШОПЕНГАУЭР, *Мир как воля и представление*, т. 2, с. 202: «Неправильно при анализе силлогизмов исходить из среднего термина... Роль среднего термина второстепенна и его положение — следствие логической ценности понятий, сравниваемых в силлогизме. Их можно, уподобить двум субстанциям, подлежащим химическому анализу, а средний термин — реагенту, по которому они проверяются. Поэтому он всегда занимает то место, которое оставляют свободным сравниваемые понятия, и **в заключении вообще больше не появляется**. Например, в умозаключении: “Все люди смертны; Кай — человек”, — я могу заменить средний термин *человек* термином *живое существо*».

⁴⁰ Вероятный источник Кржижановского здесь — раздел *О невозможности онтологического доказательства бытия Божия* в кн. КАНТ, *Критика чистого разума*, вып. 2, с. 425-431.

тавить с близким по лексике и образному ряду *Разговором двух разговоров* (1931), лейтмотивом которого является тема свободы, которая лишь подразумевается в *Красном снеге*. В *Разговоре двух разговоров* один из собеседников отождествляет мышление со свободой⁴¹, а потому делает ставку на логику, заявляя, что человек, *владеющий* понятиями логики, не нуждается для мышления в обществе. Он против того, чтобы логику ему *выдавали* извне и хочет иметь ее *в своей голове*, заявляя: «я требую, чтобы мне возвратили все, национализированные у меня, **шестьдесят четыре модуса силлогизма**». И пусть из них «логически осуществимо лишь девятнадцать... без них не осуществится искусство, которое ведь всё из неосуществимых силлогизмов... Я декларирую право ошибаться». Сторонник свободы заявляет о своем отказе довольствоваться разрешенными к пользованию и выданными извне силлогизмами. Он полагает, что «силлогизмы» — весь их арсенал, включая неосуществимые — должны принадлежать ему самому, гарантируя возможность автономно мыслить и свободно творить. Своему оппоненту, считающему, что «философское понятие свободы невоскресимо», а «индетерминизм — это... **пепел, понятие, подвергшееся кремации**», сторонник свободы отвечает, что идея свободы является конститутивной для мышления. И, однако, даже он признает, что «по нынешним временам» литераторы находятся в положении **нищих, которые вынуждены просить, чтобы им «дали» слова**, из которых они потом создадут литературу. На слова о необходимости цензурных рогаток между мыслью и речью, он замечает, что в этом случае «жизнь делается **безъязыкой** и подкомандной», а «мысли, оттеснённые от слов, отступают назад **в молчание** и делаются задними мыслями». Как следствие, «**благородное искусство силлогизма** будет искажено и утратит свой строгий контур. Вместо длинных цепей умозаключений — короткие **тычки** лбом о факты».

Мы видим, что в двух рассуждениях о силлогизмах — из *Красного снега* и *Разговора двух разговоров* — используются схожие образы и лексика: в первом — **пепел**, который сумерки сыпят сквозь поры воздуха, оплакивая интеллигентов, во втором — свобо-

---

⁴¹ Характерно, что и для Кржижановского «осознавание» означает бунт против установлений, навязанных извне, ср.: КРЖИЖАНОВСКИЙ, *Чужая тема* (1930), СС, т. 1, с. 364: «Стюарт Милль прав, говоря: осознать — значит нарушить».

да, как «пепел, понятие, подвергшееся кремации»; в первом — философ, **просящий** подать ему на философему и как нищий шапку подставляющий свою голову, во втором — писатели в положении **нищих**, вынужденные **просить, чтобы им «дали»** слова; там **безъязыки** колокола, здесь **безъязыка** жизнь; там «мысль немее рыб», здесь «**мысли**, оттеснённые от слов, отступают... **в молчание**», там из окошка выдачи **ткнули** иной модус силлогизма, здесь «вместо длинных цепей умозаключений — короткие **тычки** лбом о факты». Здесь же, в *Разговоре двух разговоров*, повторяется сравнение головы с вместилищем для мысли и (что важно для понимания концовки *Красного снега*) сравнение голов с лампочками (см. *ниже*).

В *Красном снеге* описание происходящего в очереди за силлогизмами продолжается в сатирической манере. Говорится о том, что «предстоит пересчет мыслей» и не дай Бог, у кого-нибудь их окажется «три, не две или там четыре, а три». **Отчего неприемлема тройка?** Возможно, в данном контексте, когда интеллигенты разделяются на тех, кто принимает предложенные правила игры, и тех немногих, кто претендует на интеллектуальную и творческую самостоятельность, «три мысли», т. е. три идеи могут быть поняты как «идеалистическая триада бессмертие души — свобода воли — Бог»:

Человек из **быта** не верит в **бытие**, с его **триадой Бога, бессмертия и души**; подозрителен и к миру чистого **бы**, заселенного фантазиями, но крепко верует в реальность своих трех комнат, в тело жены и в **штемпеля на «виде»**⁴². Вечности человек из быта чужд, но время с любовью прячет под золотую крышку карманных часов⁴³... **Быт**, формулируя кратко, — это явление, играющее в вещь; мнимость, притворяющаяся реальностью; бессильные тени, пробующие хоть контурами поподражать подлинным вещам⁴⁴.

⁴² В формуле «штемпель на виде» слово «вид» (species), понятие в философском смысле (вид, род), это еще и «идея», т. е. мыслимое.

⁴³ И напротив, в *Красном снеге* интеллигент жалуется на то, что время ему уже не принадлежит.

⁴⁴ Кржижановский, *Философема о театре*, гл. 2, СС, т. 4, с. 54. Ср. *Штемпель: Москва* 11 (1925), СС, т. 1, с. 546: «...из века в век креп тоже особый *китайгородский материализм*: если солдат был крепок верой в свою неуничтожимость, верой в бессмертие, которое, возникнув как идея, ведет за собой и все *идеалистическую триаду (бессмертие души — свобода воли — Бог)*, то купец ничего и никак не может без веры в *вещь*...

Кроме того, если рассуждать в терминах четных и нечетных чисел, ряд которых открывает тройка, то у Кржижановского «нечетные» — это нарушители порядка⁴⁵, отверженные⁴⁶, и в то же время творцы истории⁴⁷, превосходящие «четных»⁴⁸. Не случайно, здесь же упомянуты «пять-шесть» «тершегося по заграницам помещика Чацкого», отсылающие к строкам:

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой...
.....
В чьей по несчастью голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых
И он осмелится их гласно объявлять, —
Глядь...⁴⁹.

Огромные толстостенные склады Китай-города строились не для хранения «феноменов мозга», «призраков», «инобытия духа» (так определяют материю идеалисты), а для самой настоящей *материи*, на вещи раздробленной. Никто не запирает «феномены мозга» на тяжелые висячие замки с двойным защелком. Для меня ясно: прилавки китайгородских лавчонок были перемычками кафедрами специфического китайгородского материализма.

⁴⁵ Кржижановский, *В зрачке 3* (1927), *СС*, т. 1, с. 443: «Мы, четные, держимся тут особняком, потому что, видите ли, все эти нечеты — как на подбор — нахалы и задиры. Так что нам, людям спокойным и культурно настроенным...».

⁴⁶ Кржижановский, *Фрагменты к роману «Тот Третий»* (1929), *СС*, т. 5, с. 237: «Первому нечету, числу три, судьба отвержения не только в преданиях».

⁴⁷ Кржижановский, *Поэтика Шекспировских хроник IV* (1935), *СС*, т. 4, с. 269: «Почти все нечётные сцены показаны [Шекспиром]... с высоты трона, почти все чётные — из окна винного подвала... Нечеты говорят пятистопным ямбом, тронными речами, текстами посольских грамот и международных договоров, докладами королевских советников и сообщениями гонцов о мире или войне; четы — говорят ухабистой прозой, с примесью божбы и ругательств застольными тостами, разменом мелких житейских новостей и сплетен... Если спросить автора хроник, кто из персонажей мыслится им «авторами истории», а кто лишь её гостями, ответ был бы всегда в пользу обитателей нечета. Шекспир ощущает историю как творимую сверху».

⁴⁸ Кржижановский, *Тематические заявки. История гиперболы 7* (1936), *СС*, т. 5, с. 279: «Греция... Превосходство нечета над чётотом и ограниченного над безграничным».

⁴⁹ Грибоедов, *Горе от ума* (Действ. III, Явл. 22), *СС*, т. 1, с. 139-141.

Когда дверь, перед которой выстроилась очередь за логизмами, распахнулась, «из разъятых створ ее пахнуло **ледяной логикой**»⁵⁰. Холод вернулся. Почему холод? Потому, что у Кржижановского холодом отмечены края реальности — материальное и логическое. Тепло лишь в промежуточном слое фантазий и снов, облекающих холод бытия — теплотой воспоминаний, холод логических схем — теплом образов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. История Кая

Начиная с эпохи Ренессанса в европейской культуре возникает мода на римские имена (Гай, Тит, Луций и пр.), что отчасти было вызвано чтением *Сравнительных жизнеописаний* Плутарха, *Жизни двенадцати цезарей* Светония и т. д. У Шекспира (1564–1616) имя «Гай / Кай» (Caius) носят как исторические⁵¹, так и вымышленные⁵² персонажи⁵³. В научных и философских трактатах XVII–XVIII вв. имена Кай (Гай), Тит(ий), Луций, Семпроний начинают обозначать человека вообще⁵⁴. О «Кае» пишут, среди прочих, Дж. Локк⁵⁵,

⁵⁰ Кржижановский, *Разговор двух разговоров* (1931), СС, т. 1, с. 389: «Восхождение вверх к точкам, на которые ещё не ступала ничья мысль, всегда сквозь **безлюдье и холод логики**».

⁵¹ Ср. Гай Марций (*Кориолан*), Гай Марцелл (*Антоний и Клеопатра*), Гай Кассий Лонгин и Гай Квинт Лигарий (*Юлий Цезарь*).

⁵² Ср. слуги Тита Гай и Семпроний (*Тит Андроник*), доктор-француз Гай (*Виндзорские насмешницы*), римский посол в Британии Гай Луций (*Цимбелин*), Гаем называется Кент (в *Короле Лире*).

⁵³ См. DAVIS, FRANKFORTER (2004).

⁵⁴ См. ГОББС, *Основы философии* (1646), ч. 3: *О гражданине*, гл. 12, 4, СС, т. 2, с. 393: «Значит, законы издаются для Тита и Гая, а не для государства, хотя юристы в своем тщеславии и заставили людей несведущих полагать, будто законы зависят не от авторитета государства, а от их мудрости»; РУССО, *Эмил, или О воспитании* (1762) I: «Гражданин Рима не был ни **Гаем**, ни **Луцием**: это был римлянин; даже отечество он любил ради отечества»; ФИХТЕ, *Основные черты современной эпохи VII* (1806), СС, т. 2, с. 468: «Вопрос ведь вообще не о том, на какой ступени развития находятся **Семпроний**, **Кай** или **Тит**, а только о состоянии эпохи; это состояние мы показали на примере **Семпрония** и на всякий случай можем прибавить замечание, что таковы же и **Кай** и **Тит**, чтобы никто не ожидал еще особого исследования о последних».

⁵⁵ ЛОКК, *Опыт о человеческом разумении* (1690–1706) II, 25, СС, т. 1, с. 370–371.

И. Кант⁵⁶, Г. В. Ф. Гегель⁵⁷, А. Шопенгауэр (который здесь является важным источником)⁵⁸, Э. Мах⁵⁹. Особенное распространение «Кай» получает в логических трактатах. Посылки вроде «Кай — человек», «Кай — смертен» наводняют немецкие учебники логики⁶⁰. В учебнике Иоганна Кизеветтера (1795), который пережил множество изданий и получил широчайшее распространение, «Кай» упоминается почти две сотни раз⁶¹. Учебник был переведен на русский язык⁶² и с тех пор силлогизм с «Каем» сделался обязательным для зазубривания на уроках логики⁶³, перейдя и в отечественные

⁵⁶ КАНТ, *Критика чистого разума* (1781–1787) I, часть 2, отдел 2, кн. 1, раздел 2 (В 378–379), СС, т. 3, с. 289; *Метафизика нравов. Учения о праве* (1797–1799), часть I, гл. 2, § 34, СС, т. 6, с. 324; *Лекции. Логика* (1800), СС, т. 8, с. 357, 369.

⁵⁷ ГЕГЕЛЬ, *Энциклопедия философских наук*, ч. I: *Наука логики* § 175, СС, т. 1, с. 283: «Когда мы, например, рассматриваем **Кая**, **Тита**, **Семпрония** и остальных жителей города или страны, то обстоятельство, что все они люди, есть не нечто только общее им всем, а их всеобщее, род, и всех этих единичностей вовсе и не было бы без этого рода»; § 190, с. 297; а также § 177, с. 285; § 190, с. 298. См. также: *Наука логики*, т. II, СС, т. 6, с. 85, 88, 112, 136. В указанном издании приводится конспект *Науки логики*, сделанный В. И. Лениным (Берн, 1914), который, в частности, записал: «Приведа на стр. [112] “знаменитое” заключение — “все люди смертны, **Кай** человек, следовательно, он смертен” — Гегель остроумно добавляет: “Сейчас же впадаешь в скуку, когда слышишь такое умозаключение...”», *Там же*, с. XVI.

⁵⁸ ШОПЕНГАУЭР, *Мир как воля и представление*, т. 1: *Критика Кантовской философии*, СС, т. 1, с. 559; т. 2: *К силлогистике*, СС, т. 2, с. 193.

⁵⁹ МАХ, *Познание и заблуждение* (1905) XVIII, с. 298: «Все люди смертны (общая большая посылка)... Кай человек (частная меньшая посылка)... Кай смертен (заключение)... Нельзя утверждать, что **все** люди смертны, пока не доказано еще, что Кай смертен. Прежде чем выставить большую посылку, чистый логик должен **дождаться** смерти всех будущих Каев, и ни один Кай, к которому относится силлогизм, не может **пережить** уверенности в собственной своей смертности».

⁶⁰ BENDAVID (1789), xx, xxiii, xxiv; MAIMON (1798), S. 158-160, 192-193, 201; TIEFTRUNK (1821), S. 98-99; JÄGER (1839), S. 38-41, 75, 87-91, 121-122.

⁶¹ KIESEWETTER (1795), S. 41, et passim.

⁶² КИЗЕВЕТТЕР (1829).

⁶³ Н. Г. Помяловский (1835–1863) пишет в *Очерках бursы* (1865) I: «Главное свойство педагогической системы в бурсе — это долбня, долбня ужасающая и мертвящая. Она проникала в кровь и кости ученика. Пропустить букву, переставить слово считалось преступлением... Педагоги получали воспитание схоластическое, произошли всевозможную синекдоху и

учебники и книги по логике⁶⁴. «Кай смертен» из учебника Кизеветера становится отправной точкой для психологического осмысления смерти в рассказе Л. Н. Толстого *Смерть Ивана Ильича* (1886)⁶⁵, под влиянием которого о «Кае» начинают писать в контексте экзистенциалистских рассуждений о смерти⁶⁶.

гиперболу, острием священной хрии вскормлены, воспитаны тою философией, которая учит, что “все люди смертны, Кай — человек, следовательно, Кай смертен” или что “все люди бессмертны, Кай — человек, следовательно, Кай бессмертен”...».

⁶⁴ Новицкий, *Руководство к логике* (1841), гл. V, 2, § 121, с. 146–147: «...обыкновенный пример посредственного силлогизма в общежитии выражается в следующих видах: “Кай смертен, потому что он человек”; или: “как все люди смертны, то и Кай”, или наконец гораздо короче: “Кай, как человек, смертен”»; Шпет (2010), *Логика. Лекции, читанные в 1911–1912 гг.*, ч. 1. *Критика силлогизма*, с. 81: «В сущности, вся суть и заключается в малой посылке. Когда я говорю, что “все люди смертны”, “Кай человек”, весь вопрос в том, имею ли я право утверждать, что Кай — человек... потому что сказать, что Кай — человек, по отношению к предшествующему “все люди смертны”, значит сказать нечто новое... И это новое есть малая посылка».

⁶⁵ Толстой, *Смерть Ивана Ильича VI, СС*, т. 10, с. 165–166: «В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого. Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мамá, папá, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня! Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуршал шелк складок платья матери? Разве он бунтовал за пирожки в Правоведении? Разве Кай так был влюблен? Разве Кай так мог вести заседание? И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно. Так чувствовалось ему. “Если б и мне умирать, как Каю, то я так бы и знал это, так бы и говорил мне внутренний голос, но ничего подобного не было во мне; и я и все мои друзья — мы понимали, что это совсем не так, как с Каем. А теперь вот что! — говорил он себе. — Не может быть. Не может быть, а есть. Как же это? Как понять это?»».

⁶⁶ Ср. Соловьев, *Смысл любви III*, 4 (1892–1893), СС, т. 7, с. 30: «Ме-

II. Реконструкция логических лакун в тексте *Красного снега*

Из соображений текстологической строгости следует учитывать, что в одном месте опубликованный текст рассказа С. Д. Кржижановского *Красный снег* не является авторским, но представляет собой нашу реконструкцию. В ноябре 2005 г. издатель сочинений Кржижановского В. Г. Перельмутер попросил меня восстановить пять латинских слов в том отрывке рассказа, где идет речь о выдаче «логизмов». Он же сообщил, что единственный экземпляр текста рассказа, обнаруженный в так называемом «Киевском архиве», представляет собой машинопись, выполненную, скорее всего, вдовой писателя — А. Г. Бовшек. Машинопись несет следы исправлений и, с очевидностью, не предназначалась для передачи в какую-либо редакцию. В том месте, где в тексте должны были стоять латинские термины, остались лакуны⁶⁷.

Два отрывка, требовавшие восстановления, выглядели следующим образом:

1) На квадрате: по четырем углам четыре знака — А, Е, I, О, а у скрещения диагоналей латинское — «?????????».

2) С распределением логизмов недостаточно налажено. Путают. Посудите сами: в прошлый раз мне вместо «?????????» ткнули «?????????», а вместо «?????????» — «?????????». На кой ляд мне общеутвердительная посылка, когда мне нужно для моей статьи частно-отрицательную.

Смысл отрывков отчасти проясняла реплика одного из персонажей, которая, в свою очередь, требовала комментариев:

3) Тут мм... выдают логику. Если ваш талон **М** не отрезан, можно получить средние термины... **М** в «**С** есть **Р**» все равно никогда не попадает, следовательно, не всё ли равно, какое оно там.

жду тем тот несомненный факт, что все люди всегда умирали и умирают, всеми или почти всеми принимается за безусловно непреложный закон (так что даже в формальной логике принято пользоваться этой уверенностью для составления образцового силлогизма: “Все люди смертны; Кай человек; следовательно, Кай смертен”); ЯНКЕЛЕВИЧ, *Смерть* (1966, 1999), с. 16, 19, 25.

⁶⁷ Почти все заглавные латинские буквы (А, Е, I, О, Р, М), стоящие в тексте, можно впечатать, используя совпадающие по начертанию русские (для I можно использовать единицу или восклицательный знак).

Было понятно, что в последнем случае речь идет о строении силлогизма — умозаключения, в котором из двух суждений выводится третье. Необходимые пояснения можно было почерпнуть в дореволюционных учебниках логики — О. Новицкого, Г. И. Челпанова и др. Наиболее подходящим для восстановления текста Кржижановского представлялся учебник Г. И. Челпанова (1862–1936), поскольку лекции последнего Кржижановский мог посещать в Киевском университете⁶⁸.

Отрывок 3. Поясним третий отрывок, для чего рассмотрим силлогизм:

Все люди смертны.
Петр человек.
Петр смертен.

В формальном виде силлогизм можно записать так:

Все М суть Р.
S есть М.
S есть Р.

Здесь два исходных суждения называются «посылками» (*praemissae*), а получающееся из них новое — «заключением» (*conclusio*). Как видно, заключение состоит из двух терминов — субъекта высказывания (**S**, Петр) и предиката высказывания (**P**, смертный). Термин, который присутствует в посылках, но **отсутствует в заключении**, — это средний термин (**M**, человек)⁶⁹.

Поэтому, слова персонажа о том, что «**M** в “**S** есть **P**” все равно никогда не попадает» означали, что средний термин **M** по определению отсутствует в заключении «**S** есть **P**».

Казалось бы, с этим местом все ясно. Однако текстологическая пунктуальность не позволяет оставить без комментария одну деталь.

⁶⁸ Георгий Иванович Челпанов (1862–1936). С 1897 г. — профессор Киевского университета, а с 1907 г. — профессор Московского университета, где возглавил кафедру философии. Основатель Психологического института при Московском университете (1914) и журнала *Психологическое обозрение*. См. его *Проблема восприятия пространства* (ч. 1, 1896; ч. 2, 1904). Книгу Челпанова *Мозг и душа* (1900) В. В. Зеньковский назвал лучшей «не только в русской, но и в мировой литературе книгой по критике метафизического материализма» (*История русской философии*, с. 658). См. Зеньковский (1936), с. 53–56; Бердяев (1936), с. 56–57.

⁶⁹ S(ubjectum), P(raedicatum), M(edius terminus).

В исходном тексте мы видим «С есть Р», т. е. вместо латинского S стоит русское С. Это может быть аргументом в пользу того, что текст печатался не с рукописи (где автор написал бы S), но с голоса, под диктовку. Машинистка, услышав «С» впечатала русскую букву. Правда, следующая буква, латинская Р, уже напечатана правильно.

Если это ошибка машинистки, то ее следует молча исправить. Однако чуть ниже тот же персонаж говорит: «Философия?.. Хорошенькое имечко: ведь это по-нашенски, без всяких там **пи** и **си**, “любовь к мудрости”. Без двух секунд порнография-с».

Речь, разумеется, идет о Р и S — предикате и субъекте силлогизма. В латинском языке искомые буквы нужно произносить, как «пе и эс». В контексте рассуждений о порнографии, и сниженной лексики («приспичило», «размыслийство»), «пи» и «си», скорее всего, отсылают к pudenda⁷⁰.

Отрывок 1. Здесь пропущенное можно восстановить почти однозначно. Все логические суждения делятся на четыре класса: А, Е, I, O, а отношения между классами принято представлять в виде схемы, называемой «логическим квадратом».

- А — это обще-утвердительные суждения: «все S суть Р»;
- I — частно-утвердительные: — «некоторые S суть Р»;
- Е — обще-отрицательные: «ни одно S не есть Р»;
- O — частно-отрицательные: «некоторые S не суть Р».

Соотношения между суждениями принято представлять в виде «логического квадрата» или «квадрата оппозиций» (см. схему).

В отношении друг друга суждения А и О, а также I и Е являются «противоречащими» (contradictoria), отношение между ними называется «противоречием» (contradictio). Из двух противоречащих суждений при истинности одного суждения другое оказывается ложным и наоборот. Следовательно, во фразе «На квадрате: по четырем углам четыре знака — А, Е, I, O, а у скрещения диагоналей латинское — ???» вопросительные знаки нужно заменить на «**contradictoria**»⁷¹ или, что менее вероятно, на contradictio.

⁷⁰ В целом, подобные неувязки свидетельствуют о неотшлифованности *Красного снега*. Пример еще одной нестыковки: во время ночного полета герой сначала одет в пальто, а приближаясь к очереди за логизмами запахивает полы шубы.

⁷¹ Новицкий (1841), с. 124.

Отрывок 2. Наибольшие трудности предоставляет фрагмент 2. Для него нет однозначного решения. Но сначала немного теории:

Три суждения составляют силлогизм. Это суждения видов А или I, или О, или Е. Поэтому, любой силлогизм можно представить как последовательность трех букв, обозначающих **большую посылку, меньшую посылку и заключение**. Суждения могут комбинироваться не как угодно, но согласно правилам логики. Число правильных силлогизмов 11, а если к тому же учесть положение среднего термина в посылках, то получим 19 правильных видов силлогизма (19 модусов), распределенных на 4 класса (4 фигуры).

Фигура 1	Фигура 2	Фигура 3	Фигура 4
AAA	EAE	AAI	AAI
EAE	AEE	IAI	AEE
AII	EIO	AII	IAI
EIO	AOO	EAO	EAO
		QAO	EIO
		EIO	

Как писал Челпанов, «всякий изучающий логику должен все эти модусы знать наизусть. Для облегчения же заучивания придумали следующее стихотворение, написанное гекзаметром:

*Bárbara, Célarént, Darii, Ferióque prióris;
Césare, Cámestrés, Festinó, Baróko, secúndae;
Tértia Dárapti, Disamis, Datìsi, Felápton,
Bókardó, Ferisón habét: Quarta insuper áddit
Brámantip, Camenés, Dimaris, Fesápo, Fresison⁷².*

⁷² ЧЕЛПАНОВ (1917; 1994), с. 106.

Три гласные из каждого набранного курсивом слова означают отдельный модус: ААА, ЕАЕ и т. д. Следовательно, каждый модус силлогизма можно представить либо в виде сочетания трех букв (например, ЕЮ), либо в виде звучного слова (Festino).

Теперь обратимся к искомому фрагменту.

С распределением логизмов недостаточно налажено. Путают. Посудите сами: в прошлый раз мне вместо «?» ткнули «?», а вместо «?» — «?». На кой ляд мне общеутвердительная посылка, когда мне нужно для моей статьи частно-отрицательную.

Приступая к реконструкции, я исходил из следующих соображений.

а) Кржижановский не случайно говорит о «распределении логизмов». Это словосочетание означает «раздача логизмов стоящим в очереди гражданам», но оно также отсылает к «распределению силлогизмов» в логике;

б) два раза подряд некий гражданин, нуждался в частно-отрицательной посылке, и два раза подряд ему вместо неё предлагали обще-утвердительную посылку;

в) гражданин дважды нуждался именно в посылке (а не в заключении), а ему дважды предлагали тоже посылку (а не заключение);

г) Кржижановский, которому важен художественный образ, а не логические детали, скорее всего, использовал для обозначения модусов силлогизма не сочетания букв, но звучные слова из гекзаметра.

Итак. Гражданину нужно, чтобы посылка (но не заключение), была частно-отрицательной. Значит, нужно найти модус, в котором на первом или втором месте стоит буква О. Этому условию отвечают лишь два модуса: АОО (Baroko) и ОАО (Bokardo), см. Таблицу *выше*. Следовательно, соответствующими словами можно заполнить два пробела:

...в прошлый раз мне вместо «Baroko» ткнули «?», а вместо «Bokardo» — «?». На кой ляд мне общеутвердительная посылка (А), когда мне нужно для моей статьи частно-отрицательную (О).

Теперь нужно выбрать модусы, содержащие обще-утвердительную посылку. Их немало — 11: Barbara, Celarent, Darii, Cesare, Camestres, Darapti, Disamis, Datisi, Bramantip, Camenes, Di-

maris. Какие два выбрать из них? Вряд ли при выборе нужно думать о собственно логике. Перед нами художественное произведение, а потому нужно нечто, воздействующее на читателя на образном уровне. Рассмотрим несколько вариантов:

а) Если предположить, что Кржижановский записал силлогизмы не словами из гекзаметра, а сочетаниями трех гласных, можно искать сходство в порядке букв. У нас уже есть АОО и ОАО. АОО — это «А», а затем две одинаковые буквы. Те, кто «выдает логизмы» могли перепутать АОО с АЕЕ, построенному по тому же принципу. Аналогично, ОАО — это «А» между двух одинаковых букв. Её можно «перепутать» с ЕАЕ. Получаем: «в прошлый раз мне вместо «АОО» ткнули «АЕЕ», а вместо «ОАО» — «ЕАЕ». Однако этот вариант не представляется художественно убедительным.

б) Кржижановский мог исходить из того, что и Varoko, и Vokardo имеют в своем составе 5 одинаковых букв — В, А, R, О, К. В этом нет логического смысла, это вопрос фонетики. Тогда Кржижановский мог противопоставить им другую пару, члены которой тоже составлены из 5 одинаковых букв — Camenes и Camestres (С, А, М, S, Е). Получаем: «в прошлый раз мне вместо «Varoko» ткнули «Camenes», а вместо «Vokardo» — «Camestres». В этом варианте мы имеем даже что-то вроде неполной рифмы, но и он несовершенен.

в) И всё же, скорее всего, Кржижановский представил силлогизмы в виде слов из гекзаметра, предназначенного для заучивания наизусть. У нас уже есть Varoko и Vokardo, оба слова фонетически выпуклы: оба начинаются с «В», в них рокочет R и имеется К, разделяемые через А и О. Единственным равным по яркости противовесом им будет пара — Barbara и Bramantip. Получаем:

...в прошлый раз мне вместо «Varoko» ткнули «Barbara», а вместо «Vokardo» — «Bramantip».

Этот вариант, на мой взгляд, подкрепляется и следующим. Интеллекту нужно нечто, звучащее утонченно (цветистые слова Varoko и Vokardo вызывают в памяти «барокко» и что-то итальянское: бокардо — это и сорт вина, и мужское имя). А ему «тычут» нечто, ассоциирующееся с варварским (Barbara) и тюркским (Bramantip). Следовательно, мы имеем все составляющие: логику, фонетику и образность, и этот вариант выбирается как наиболее предпочтительный.

Тем не менее, у Кржижановского могли быть иные соображения, и тут открывается простор для домыслов и еще не опробованных вариантов. Но мы остановимся на найденном (признав его удовлетворительным и / но гипотетическим) и не дерзая всерьез состязаться с гением на его поле. Впрочем, пропуски в тексте могли не быть заполнены вовсе. Возможно, Кржижановскому пришла в голову идея использовать мнемонический гекзаметр, но на момент написания / диктовки он, помня целиком или частично само стихотворение, не имел под рукой учебника, чтобы уточнить, какое «слово» с точки зрения правил логики ему требуется для выбора частно-отрицательной или общеутвердительной посылки. Так это или нет, мы уже вряд ли узнаем.

БИБЛИОГРАФИЯ

(и ее сокращения)

- АЛИГЬЕРИ, ДАНТЕ, *Божественная комедия*, пер. М. ЛОЗИНСКОГО (М.: Наука, 1967). — АЛИГЬЕРИ, ДАНТЕ, *Божественная комедия*.
- АНДРЕЕВ Л., *Красный смех*, в: Леонид АНДРЕЕВ, *Рассказы* (Архангельск: Северо-Западное книжное издат., 1985). — АНДРЕЕВ, *Красный снег*.
- БЕРДЯЕВ Н., «Памяти Георгия Ивановича Челпанова», *Путь 50* (1936). — БЕРДЯЕВ (1936).
- БОВШЕК А. Г., *Глазами друга (Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского)*, в: Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ, *Собрание сочинений в шести томах*, сост., подг. текста, предисл. В. Г. ПЕРЕЛЬМУТЕРА, т. 6 (СПб. — М.: Симпозиум — Б. С. Г.-Пресс, 2001–2013). — БОВШЕК, *Глазами друга*.
- ГЕГЕЛЬ, Г. В. Ф., *Собрание сочинений в четырнадцати томах* (М., 1929–1958). — ГЕГЕЛЬ, СС.
- ГОББС, Томас, *Сочинения в двух томах* (М.: Мысль, 1989, 1991). — ГОББС, СС.
- ГРИБОЕДОВ А. С., *Сочинения в двух томах* (М.: Правда, 1971). — ГРИБОЕДОВ, СС.
- ЗАМЯТИН Е. И., *Собрание сочинений в пяти томах* (М., 2003–2011). — ЗАМЯТИН, СС.
- ЗЕНЬКОВСКИЙ В. В., «Памяти проф. Г. И. Челпанова», *Путь 50* (1936). — ЗЕНЬКОВСКИЙ (1936).

- КАНТ, Иммануил, *Собрание сочинений в восьми томах* [Юбилейное издание 1794–1994], под общ. ред. А. В. Гулыги (М.: ЧОРО, 1994). — КАНТ, СС.
- КАНТ, Иммануил, *Критика чистого разума*, вып. 1 и 2, пер. Н. М. Соколова (СПб., 1896 и 1897). — КАНТ, *Критика чистого разума*.
- КАРРОЛЬ, Л., *Аня в стране чудес*, пер. с англ. В. Сирини с рисунками С. Залшупина (Б.: Гамаюн, 1923). — КАРРОЛЬ, *Аня в стране чудес*.
- КИЗЕВЕТТЕР, Иоганн, *Логика для употребления в училищах*, пер. с нем. Я. Толмачева (СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1829). — КИЗЕВЕТТЕР (1829).
- КОПЛИСТОН, Ф., *От Фихте до Ницше*, пер. с англ. В. В. Васильева (М.: Республика, 2004). — КОПЛИСТОН, *От Фихте до Ницше*.
- КРЖИЖАНОВСКИЙ С. Д., *Собрание сочинений в шести томах*, сост., подг. текста, предисл. В. Г. Перельмутера, тт. 1 – 6 (СПб. – М.: Симпозиум – Б. С. Г.-Пресс, 2001–2013). — КРЖИЖАНОВСКИЙ, СС.
- ЛОКК, Джон. Сочинения в трех томах (М.: Мысль, 1985–1988). — ЛОКК, СС.
- МАХ, Эрнст, *Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования* (М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003). — МАХ, *Познание и заблуждение*.
- НОВИЦКИЙ Орест Маркович, *Руководство к логике* (Киев: Университетская типография, 1841). — НОВИЦКИЙ, *Руководство к логике*.
- ПОМЯЛОВСКИЙ Н. Г., *Очерки бурсы* (СПб., 1865). — ПОМЯЛОВСКИЙ (1865).
- ПРАШАСТАПАДА, *Падартха-дхарма-санграха* (2. б. Раздел размера), пер. В. Г. Лысенко, *История философии* 7 (2000). — ПРАШАСТАПАДА, *Падартха-дхарма-санграха*.
- ПО, Эдгар Аллан, *Маска Красной Смерти*, в: *Собрание сочинений в двух томах*, т. 1 (СПб., 1995). — ПО, *Маска Красной Смерти*.
- РУССО, Ж.-Ж., *Эмиль, или О воспитании*, пер. с франц. М. А. Энгельгардта (СПб., 1912). — РУССО, *Эмиль, или О воспитании*.
- СЕМПЕР Н. Е., *Человек из Небытия. Воспоминания о С. Д. Кржижановском*, в: Сигизмунд Кржижановский, СС, т. 6. — СЕМПЕР, *Человек из Небытия*.
- СОЛОВЬЕВ В. С., *Собрание сочинений в десяти томах*, 2-е изд., под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова (СПб., 1911–1914). — СОЛОВЬЕВ, СС.
- ТОКАРСКИЙ А. А., «К вопросу об ассоциациях идей», *Вопросы философии и психологии* 23 (1894). — ТОКАРСКИЙ (1894).
- ТОЛСТОЙ Л. Н., *Собрание сочинений в двенадцати томах* (М.: Гос. изд. худ. литературы, 1958–1959). — ТОЛСТОЙ, СС.

- ТОПОРОВ В. Н., «Минус-пространство С. Кржижановского», в: ТОПОРОВ В. Н., *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического* (М.: Прогресс, 1995). — ТОПОРОВ (1995).
- ФИХТЕ, И. Г., *Сочинения в двух томах* (СПб.: Мифрил, 1993). — ФИХТЕ, СС.
- ЦВЕТАЕВА М. И., *Собрание сочинений в семи томах* (М.: Эллис Лак, 1994–1995). — ЦВЕТАЕВА, СС.
- ЧЕЛПАНОВ Г. И., *Учебник логики*, 9-е изд. (1917; М.: Прогресс, 1994). — ЧЕЛПАНОВ (1917; 1994).
- ШОПЕНГАУЭР, Артур, *О четверояком корне закона достаточного основания*, в: А. ШОПЕНГАУЭР, *О четверояком корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии*, пер. с нем., отв. ред. Б. В. МЕЕРОВСКИЙ, И. С. НАРСКИЙ (М.: Наука, 1993). — ШОПЕНГАУЭР, *О четверояком корне закона*.
- ШОПЕНГАУЭР, Артур, *Мир как воля и представление*, в: А. ШОПЕНГАУЭР, *О четверояком корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии*, пер. с нем., отв. ред. Б. В. МЕЕРОВСКИЙ, И. С. НАРСКИЙ (М.: Наука, 1993); А. ШОПЕНГАУЭР, *Мир как воля и представление. Т. 2.* пер. с нем. М. И. ЛЕВИНОЙ, сост., коммент., отв. ред. И. С. НАРСКИЙ, Б. В. МЕЕРОВСКИЙ (М.: Наука, 1993). — ШОПЕНГАУЭР, *Мир как воля*.
- ШПЕТ Г. Г., *Философия и наука: лекционные курсы*, отв. ред. и сост. Т. Г. ЩЕДРИНА (М.: РОССПЭН, 2010). — ШПЕТ (2010).
- ЯНКЕЛЕВИЧ В., *Смерть* (19., 1966; М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 1999). — ЯНКЕЛЕВИЧ (1966; 1999).
- BENDAVID, Lazarus, *Versuch einer logischen Auseinandersetzung des mathematischen Unendlichen* (Berlin, 1789). — BENDAVID (1789).
- DAVIS, J. M., FRANKFORTER, A. D., *The Shakespeare Name Dictionary* (N. Y. – L.: Routledge, 2004). — DAVIS, FRANKFORTER (2004).
- JÄGER, Joseph, Nikolaus, *Handbuch der Logik* (Wien, 1839). — JÄGER (1839).
- KIESEWETTER, Johann, *Grundriss einer reinen allgemeinen Logik nach Kantischen grundsätzen* (Berlin, 1795). — KIESEWETTER (1795).
- MAIMON, Salomon, *Die Kathegorien des Aristoteles. Mit Anmerkungen erläutert und als Propädeutik zu einer neuen Theorie des Denkens. Zweite unveränderte Auflage* (Berlin: Ernst Felisch, 1798). — MAIMON (1798).
- TIEFTRUNK, Johann, Heinrich, *Das Weltall nach menschlicher Ansicht. Einleitung und Grundlage zu einer Philosophie der Natur, verständlich für jeden gebildeten Leser*, Erste Abtheilung (Halle: in der Gebauerschen Buchhandlung, 1821). — TIEFTRUNK (1821).
- VAHINGER, Hans, *Die Philosophie des Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus. Mit einem Anhang über Kant und Nietzsche* (1911,

²1913, ³1918, ^{4 5 6}1920, ^{7 8}1922, ^{9 10}1927, Volksausgabe: ¹1923, ²1924). — VAIHINGER, *Die Philosophie des Als Ob. System...*

VAIHINGER, Hans, “Wie die Philosophie des Als Ob entstand”, in: *Die Deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen*, Hrsg. von Raymond SCHMIDT, Bd. 2 (Leipzig, 1921; ²1923). — VAIHINGER, “Wie die Philosophie...”.

Петров Валерий Валентинович, доктор философских наук, директор Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, e-mail: CAMPaS.IPh@gmail.com, <http://iph.ras.ru/petroff.htm>

SUMMARY

BEING AND LOGIC IN PHILOSOPHICAL WRITINGS BY SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY

Valery PETROFF

The topics of ontology and logic engaged by Sigizmund Krzhizhanovsky in his philosophical prose in the 1920s are discussed. In particular, the concept of true being, of shadow being, a true space and imaginary space, “minus-space”, as well as the ejection from existence, the tightness of being the triad “bytie–byt–nebytie” (“being-material being-non-being”), the pair “reason and being” are considered. Among the topics discussed: the reason and the unconscious, art vs. philosophy, logic and artistic creativity. We consider methods of reconstruction of the gap in Krzhizhanovsky’ “Red Snow”. It is shown that the author intended to play up the mnemonic poem “*Barbara, Celarent, Darii, Ferioque prioris...*” from logic textbooks. Several possible solutions are suggested. The relation between the logic of the image and the logic of the syllogism is considered, as well as the tradition that introduces an imaginary figure of “Caius” into the syllogism “All men are mortal.” Syllogism as freethinking: “logism” as the right to thought and 64 moods of a syllogism.

Key words: ontology, logic, Sigizmund Krzhizhanovsky, being, space, triads, reason, the unconscious, art, philosophy, image, Red snow, moods of a syllogism, Caius, freethinking.

Valery PETROFF, Dr.Sc. in Philosophy, Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science, Institute of Philosophy RAS, e-mail: CAMPaS.IPh@gmail.com ; <http://eng.iph.ras.ru/petroff.htm>